DOI: 10.26907/2074-0239-2020-61-3-62-67
УДК 81'37

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЧЕЛОВѢЧЬ И ЧЕЛОВѢЧЬСКЪ В СТАРОРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

© Лилия Килина, Елена Колосова

ON GRAMMAR SEMANTICS OF THE ADJECTIVES ЧЕЛОВѢЧЬ AND ЧЕЛОВѢЧЬСКЪ IN OLD RUSSIAN CHRONICLES

Liliia Kilina, Elena Kolosova

The current article studies the language features of Old Russian chronicles, provided in the historic subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, in particular the functions of the *человѣчь* (человечий) и *человѣчьскъ* (человеческий) adjectives in the texts of the chronicles. The article highlights the issue of identifying grammar semantics as a separate section and analyzes researchers' opinions on this problem. The diachronic method of research has enabled us to trace the history of the studied adjectives grammar meaning formation in the Old Russian language and explain the differences in the usage of cognate adjectives with different lexical valency. Thus, we can note a close semantic connection between the adjective and the noun, from which it was derived (lexeme *человѣкъ* – *человек*). We have established that the adjectives *чловѣчь*, *чловѣчьнь*, *чловѣчьскъ* were used in Old Russian texts without any semantic differences. The Old Russian language is known to have used the suffix -ѣ (-ии) to express a sense of belonging to a certain person (cf. *божии*). The texts of chronicles show that the adjective *человѣчь* was not used in this context since it was formed from the generic name – *человѣкъ* – not from a specific one. The adjective *человѣчьскъ*, which uses the suffix -ѣск- to express a broader meaning of relating to gender (cf. *человѣчь* and *человѣчьскъ*) – has a similar meaning to the word *человѣчь*. These adjectives started growing semantically closer quite early (such examples can be found even in the Old Russian language), thus, they could collocate with the same nouns rendering the meaning of category (gender) affiliation. As a result of this study, we have come to the conclusion that grammar semantics of the examined units is determined by their lexical semantics.

Keywords: history of the Russian language, grammar semantics, grammar meaning, chronicles, adjective.

Статья посвящена исследованию языковых особенностей старорусских летописей, представленных в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка, в частности функционированию прилагательных *человѣчь* (человечий) и *человѣчьскъ* (человеческий) в текстах летописей. Особое внимание уделяется вопросу о выделении такого раздела, как грамматическая семантика; анализируются мнения ученых по данному вопросу. Диахронический метод исследования позволил авторам статьи проследить историю формирования грамматических значений указанных прилагательных в древнерусском языке и пояснить различие в употреблении однокоренных прилагательных, имеющих разную лексическую валентность. Так, можно отметить тесную семантическую связь между прилагательными и существительным, от которого они образованы (лексема *человѣкъ* – *человек*). Было установлено, что в старославянских текстах употреблялись прилагательные *чловѣчь*, *чловѣчьнь*, *чловѣчьскъ*, семантических различий между этими словами практически не отмечалось. Известно, что в древнерусском языке прилагательные с суффиксом -ѣ (-ии) использовались для передачи идеи принадлежности конкретному лицу (ср. *божии*). Материал летописей свидетельствует о том, что прилагательное *человѣчь* в этом значении не употреблялось, поскольку было образовано не от конкретного, а от родового наименования лица – *человѣкъ*. В этом смысле *человѣчь* дублировало прилагательное *человѣчьскъ*, которое благодаря суффиксу -ѣск- выражало более общее значение – отношение к роду (ср. род *человѣчь* и род *человѣчьскъ*). Указанные прилагательные очень рано (еще в старославянском языке) сближаются в семантическом плане и поэтому могут сочетаться с одними и теми же существительными, передавая значение категориальной (родовой) принадлежности. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что грамматическая семантика рассматриваемых единиц была обусловлена прежде всего их лексической семантикой.

Ключевые слова: история русского языка, грамматическая семантика, грамматическое значение, летопись, прилагательное действия, обозначение статичного местонахождения, обозначение трассы, интерференция.

Вопрос о связи лексики и грамматики уже давно волнует ученых. В. В. Виноградов указывал на то, что значение слова в принципе зависит от множества факторов, в том числе «от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово» [Виноградов, с. 6]. На данный момент уже накоплен значительный языковой материал, который позволяет выделить «такой аспект описания языковой системы, когда в центре внимания оказываются грамматические особенности слова (грамматические категории, словоформы) в отношении к лексической семантике слова» [Балалыкина, с. 70]. Неслучайно в XX веке популярность приобрели исследования, выполненные в русле *грамматической семантики*. Ученые, занимающиеся ее описанием (см. [Плунгян], [Князев], [Кацнельсон] и др.), особое внимание уделяют понятию «грамматическое значение», границе между грамматическим и лексическим значениями, а также сущности термина «грамматическая категория». Кроме того, в исследованиях по грамматической семантике можно увидеть стремление к совмещению принципов и методов современной лексической семантики с анализом специфичных грамматических черт языковых единиц.

Итак, слово действительно выступает как единство формы и содержания, «существует через совокупность своих словоформ и контекстов, в которых оно участвует» [Норман, Мухин, с. 189]. В языковом сознании есть представление о той или иной грамматической категории, так называемая категориальная (обобщенная) семантика, которая «имеет для конкретной лексемы условный и схоластический характер», слово «в соответствии со своим лексическим значением выберет из этой парадигмы только те формы, которые ему необходимы для участия в коммуникативных актах» [Там же]. Для нас важен именно диахронический аспект, о котором говорят ученые, рассматривающие связь лексики и грамматики как следствие исторических процессов в русском языке: «Как известно, семантика слова предопределяет внутренний динамизм грамматической системы, активно участвуя в формировании и развитии отдельных грамматических категорий. Вместе с тем динамика и характер лексических процессов во многом зависят от категориальных грамматических признаков» [Балалыкина, с. 68].

Большой интерес в этом плане представляет формирование лексико-грамматических разрядов

имен прилагательных в русском языке. Признавая вопрос о выделении таких разрядов в принципе проблемным, мы не можем оставить без внимания процесс становления грамматических (обобщенных) значений принадлежности, относительности и качественности. Прежде всего необходимо понять, насколько лексическая семантика тех или иных прилагательных могла определять их грамматические особенности.

В данной статье мы рассматриваем особенности грамматической семантики прилагательных *чловѣчь* (человечий) и *чловѣчьскъ* (человеческий) на материале старорусских летописей, представленных в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Интерес к этим единицам обусловлен тем, что они в современном русском языке обладают частичным сходством в структурном и звуковом отношении, но имеют при этом различия в употреблении и лексической сочетаемости. Прилагательное *чловѣчьнь* (человечный), которое является однокоренным приведенным единицам, мы не рассматриваем, так как в текстах старорусских летописей оно обнаружено не было.

Многие исследователи указывают на тесную семантическую связь между прилагательными и существительными, от которых они образованы, поэтому для начала рассмотрим происхождение слова *человек*, а также значения этого существительного в древнерусском языке. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» (далее – ИЭССРЯ) П. Я. Черных находим, что «старшее, первоначальное значение о.-с. *čelověkъ : č(ь)lověkъ – „дитя, отпрыск, потомок семьи, рода, клана“» [Черных, с. 378]. В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (далее – МСДРЯ) приведено несколько значений слова *человѣкъ*: «существо человеческого рода», «человек, как член общества», «находящийся на службе у кого-либо (чей-либо человек)», «человек, как единица при счете» [Срезневский, с. 1492–1493]. Словарные значения данного существительного указывают на то, что с древнейших времен человека считали представителем рода, общества и т. д.

В старославянских текстах употреблялись прилагательные *чловѣчь*, *чловѣчьнь*, *чловѣчьскъ*, что подтверждают данные «Старославянского словаря», в котором семантических различий между этими словами практически нет: в качестве значения прилагательных *чловѣчь* и *чловѣчьнь*

приводится прилагательное *человеческий*, а в словарной статье прилагательного *чловѣчьскъ* есть также «относящийся к человеку» [Старославянский словарь, с. 782] (далее – СС).

О том, что прилагательные *чловѣчь* и *чловѣчьскъ* изначально были близки в семантическом плане, говорит И. В. Ерофеева: «Формы *чловѣчь* – *чловѣчьскыи* характеризуются общностью грамматической семантики, так как прилагательные на -ьск-, образованные от основ личных нарицательных существительных, как правило, имели значение родовой, категориальной принадлежности, или отнесенности» [Ерофеева, с. 45]. В ходе анализа текстов летописей она пришла к выводу, что прилагательное *чловѣчь* в этих текстах употребляется редко, и только в Малом летописном своде, язык которого отличается архаичностью, оно распространено более широко, при этом выступает обычно в категориально-притяжательном значении «свойственный, присущий человеку, людям» [Там же, с. 46]. Ученый подчеркивает, что указанное значение по сути не отличается от относительного, более того, «оно больше относительное, чем притяжательное», связано это с обобщенно-отвлеченным значением существительного *чловѣкъ*, прилагательное, образованное от него, «не могло иметь значение личной принадлежности, что приходило в противоречие с тем грамматическим значением, которое выражал к этому периоду суффикс -j-» [Там же].

Следовательно, в древнерусском языке прилагательные с суффиксом -jъ (-ии) использовались для передачи идеи принадлежности конкретному лицу (ср. *божи*), в то время как прилагательное *чловѣчь* по сути в этом значении не употреблялось, поскольку было образовано не от конкретного, а от родового наименования лица – *чловѣкъ*. В этом смысле *чловѣчь* дублировало прилагательное *чловѣчьскъ*, которое благодаря суффиксу -ьск- выражало более общее значение – отношение к роду (ср. род *чловѣчь* и род *чловѣчьскъ*). Таким образом, с позиции лексической семантики более точным представляется употребление в изучаемых текстах именно прилагательного *чловѣчьскъ*, что и подтверждает проанализированный языковой материал.

В текстах старорусских летописей, представленных в НКРЯ, обнаруживаем прилагательные *чловѣчьскъ* и *чловѣчь*, однако последнее употребляется значительно реже и имеет ограниченную сочетаемость: с существительными *умъ* (4), *плоть* (4), *житие* (3), *родъ* (2), *трупие* (1), *видъ* (1), *недугъ* (1), *тело* (1). В МСДРЯ прилагательное *чловѣчь* обозначено как притяжательное от слова *чловѣкъ*, во фрагментах из древнерусских

текстов, представленных в словарной статье, обнаруживаем сочетания данного прилагательного с существительными *образъ*, *сѣставъ*, *родъ*, *клевета*, *взоръ*, *плоть*, например: *Зракъ ихъ юдинъ кождо ихъ четверолиценъ, взоръ таковъ лицъ ихъ: львовъ, члвцъ, волуи, орель*. Кн. откр. Авр. [Срезневский, с. 1494]. В приведенном примере *чловѣчь* употребляется в одном ряду с другими притяжательными прилагательными, однако здесь речь идет не об индивидуальной, а о родовой принадлежности (напоминающий льва, человека, вола, орла). Согласно данным МСДРЯ, старославянский вариант *чловѣчь* в значении «человеческий» сочетается с существительным *родъ*, в значении «земной» – с существительным *житие*, например: *Пришедыи въ миръ съпати родъ чловѣчь*. Стихир. XII в. 43; *Чловѣча жития отити хошту*. Сбор. 1076 г. Л. 109 [Срезневский, с. 1535].

Можно предположить, что значение индивидуальной принадлежности первоначально реализовалось в сочетании прилагательного *чловѣчь* с существительным *плоть*, которое обозначало тело (иногда в противоположность духу), то есть то, что было материально выражено и являлось атрибутом конкретного человека. Здесь следует заметить, что с данным существительным в летописях не употребляется *чловѣчьскъ*, это свидетельствует о традиционности сочетания *плоть чловѣча*, неслучайно в МСДРЯ оно зафиксировано как устойчивое со значением «человек, человеческое существо» [Там же, с. 1494]. В то же время в летописных фрагментах мы не обнаруживаем цельного значения указанного сочетания, речь во всех случаях идет именно о плоти (теле) человека, а не о человеке в целом, например: *яко же рече дивныи въ пророцѣхъ богоотець Давыдъ: ядуици плоти чловеца въ хлѣба мѣсто господа не призваши; но не токмо чловеца снѣдающа плоти но ни храмовъ оустрашающесе божиихъ, мятоущи святыми божи*и церквами, *омрачи бо я лоукаваго злоба*. Псковская 3-я летопись: Строевский список (1400-1568) [НКРЯ]. Немаловажным является и тот факт, что 3 примера из 4 представлены в указанном летописном тексте. В семантическом плане существительное *плоть* сближается с существительными *тело* и *трупие*, в сочетании с которыми в летописях также употребляется прилагательное *чловѣчь*, например: *и положа в нем чловеце тело и из техъ пустыхъ домов и безъ цереов изношаху ко храму божию, и безъ отпева[ния] в землю ставляше гробовъ по пяти, и по десяти, и больши, иных же кладуща и безъ гробов, понеже и плотниковъ не бысть, некому делать*. Летописец 1619-1691 гг. (1692) [Там же].

Прилагательное *человѣчьскъ*, которое в МСДРЯ приведено со значениями «относящийся к человеку», «понятный человеку», судя по материалам словарной статьи, имело достаточно широкую сочетаемость и употреблялось с существительными *плоть, съсудъ, помысль, ловыць, сквърна, родъ, блюденъе, дела, голова, сердце, помышленъе, дѣяние, естество*, например: *Не вса плоть та же плоть, но ина члвѣчка, ина же плоть скотья, ина же рыба, ина же птица*. Кор. 1. XV. 39. Апост. Толст. XIV в. [Срезневский, с. 1495]. В данном примере *человѣчьскъ* употребляется в одном ряду с притяжательными прилагательными, в то же время речь идет о родовой принадлежности, а не об индивидуальной. Вариант *чловѣчьскыи* «человеческий, людской» сочетается с существительными *сынъ, родъ, суцъство*, например: *Чловѣчьскоѣ въсприимъ соуцъство*. Стихир. XII в. Ак. н. 176 [Там же, с. 1535].

Таким образом, указанные прилагательные очень рано (еще в старославянском языке) сближаются в семантическом плане и поэтому могут сочетаться с одними и теми же существительными, передавая значение категориальной (родовой) принадлежности. Анализ летописных текстов НКРЯ показал, что при выборе прилагательного писец мог руководствоваться традицией (из 17 примеров употребления прилагательного *человѣчь* 5 представлены в Псковской 3-й летописи).

Какие же грамматические значения выражали рассматриваемые прилагательные? В. В. Колесов выделяет несколько групп значений притяжательных имен в древнерусских текстах: 1) по признаку происхождения и родства (робъи дѣти), 2) как определение целого по части или части по целому (рыбъими зубы), 3) отнесение действия к живому существу (въ княжихъ крамолахъ), 4) указательное выделение места и времени по принадлежности к живому существу (княжь дворъ), 5) подчиненность, подвластность (княжь тивунъ), 6) как выделение собственности (Игорева стада), 7) уподобление или сравнение (по подобию отчю) [Колесов, с. 225]. «Все это выражение метонимической смежности двух признаков, один из которых по принципу синекдохи становится определением ко второму. Таково типично средневековое представление о принадлежности к определенному классу, типу, виду, образу, группе, цеху и т. д.», — пишет ученый [Там же, с. 226]. В проанализированном нами летописном материале оба прилагательных могут реализоваться в представленных выше значениях.

Так, в значении «по признаку происхождения и родства» употребляется прилагательное *человѣчьскъ* в сочетании с существительным *сынъ*. В

МСДРЯ сочетания этого существительного с обоими прилагательными даются как устойчивые: *сынъ чловѣчьскыи* — «человек» и «наименование, придаваемое Иисусом Христом себе самому» [Срезневский, с. 1495], *сынъ чловѣчьскыи* — «наименование, придаваемое Иисусом Христом себе самому» [Там же, с. 1535], при этом *сынъ чловѣчь* только «человек» [Там же, с. 1494]. В словарной же статье слова *сынъ* сочетания *сынъ чловѣчь* и *сынъ чловѣчьскыи* приводятся через знак равенства в обоих значениях [Там же, с. 873]. Вариант *сынъ чловѣчь* (о Христе) находим в «Старославянском словаре» [СС, с. 782].

В значении «как определение целого по части или части по целому» употребляется прилагательное *человѣчь* в сочетании с существительными *плоть, тело, трупие*, а также прилагательное *человѣчьскъ* в сочетании с существительными *мясо, кровь, съставъ (сустав), гласъ, голова (глава), рука, кости, родъ*. Данные летописей свидетельствуют о том, что в них существительное *родъ* чаще употребляется в сочетании с прилагательным *человѣчьскъ* (11 примеров), чем с прилагательным *человѣчь* (2 примера). Несмотря на явную традиционность указанных сочетаний (более древним является сочетание *родъ чловѣчь*), в МСДРЯ они не даны как устойчивые.

Можно предположить, что указанное значение реализовалось также в сочетаниях *умъ чловѣчь* и *умъ чловѣчьскъ*. Существительное *умъ* в древнерусском языке имело несколько значений: «душа, совокупность духовных сил», «способность мыслить и познавать, разум», «мысль», «разумение, понимание», «знание, умение», «рассудок», «образ мыслей», «предначертание», «промысль», «причина, основание» [Срезневский, с. 1211–1213]. Значит, *умъ* изначально подразумевал некие ментальные способности человека, представление о которых было весьма обобщенным. Интересен тот факт, что в старорусских летописях с существительным *умъ* чаще употребляется *человѣчь* (4 примера), а не *человѣчьскъ* (2 примера), это может свидетельствовать о традиционной сочетаемости языковых единиц, которую создавали летописные тексты стремились сохранить. В нашей выборке мы также обнаруживаем несколько существительных, близких по значению существительному *умъ*: *разумъ, мысль, помышление, смысл, мудрость*. В эту же группу, очевидно, можно включить слово *безумие* — «недостаток или слабость ума». Все эти существительные употребляются только в сочетании с прилагательным *человѣчьскъ*, например: *бѣси бо не въдають мысли чловѣчьскыя, но влагают помысль въ человека,*

таины несведущие. Новгородская Карамзинская летопись. Первая выборка (1400-1450) [НКРЯ].

Значение «отнесение действия к живому существу» обнаруживаем только у прилагательного *человѣчьскъ* в сочетании с существительными *спасение, лестъ, грехъ, кровопролитие*; значение «как выделение собственности» реализуется только в сочетании *человѣчьскы вещи*; значение «уподобления или сравнения» – в сочетании *человѣчь видъ*, а также в сочетаниях прилагательного *человѣчьскъ* с существительными *естьство, существо, знакъ* (=вид, образ).

Значения «указательное выделение места и времени по принадлежности к живому существу» и «подчиненность, подвластность», скорее всего, не были характерны для указанных прилагательных, так как существительное, от которого они были образованы, обозначало лицо обобщенное (родовое), а не конкретное.

Приведем также несколько групп сочетаний с существительными, в которых, судя по всему, не реализовалось притяжательное значение: 1) сочетания, обозначающие состояние, качество, свойство человека, – *человѣчь недугъ, человеѣчьское добро, человеѣчьская добродетель*; 2) сочетания, обозначающие жизнь человека, – *человѣче (человѣчьское) житие, человеѣчьскъ животъ*; 3) сочетания, обозначающие совокупность людей, – *человѣчьское множество, человеѣчьское царство*. Наличие подобных примеров в текстах летописей свидетельствует о тесной связи притяжательного и относительного значений, неслучайно некоторые исследователи говорят о том, что «в своем генезисе все прилагательные являются относительными, семантически производными от какого-то названия предмета, через отношение к которому характеризуются другой или другие предметы» [Пельтина, с. 114].

Можно сделать вывод о том, что прилагательные *человѣчь* и *человѣчьскъ* в исследуемых текстах передавали грамматическое значение «принадлежащий роду, классу, виду», которое очень близко к значению «имеющий отношение к кому-либо». Со временем более употребительным становится прилагательное *человѣчьскъ*, которое, по мнению И. В. Ерофеевой, «определяет в основном существительные отвлеченного значения: родъ, мысли, помышление, слава и под. – и представлено в синтагмах философско-религиозного содержания, что свидетельствует о его стилистической возвышенности» [Ерофеева, с. 46]. Мы можем сказать, что материал старорусских летописей свидетельствует о широкой сочетаемости данного прилагательного, причем не только с отвлеченными, но и с конкретными существительными (*голова, рука, кости* и т. д.).

Следует отметить, что прилагательные с суффиксом *-ъск-* в принципе были более употребительными в древнерусском языке, так как могли выражать достаточно много значений, в том числе значение принадлежности.

Подводя итоги, необходимо сказать о том, что грамматическая семантика рассматриваемых единиц была обусловлена их лексической семантикой: образованные от существительного с обобщенным значением лица, прилагательные *человѣчь* и *человѣчьскъ* имели также обобщенное грамматическое значение родовой (категориальной) принадлежности, то есть притяжательное значение, при этом очень рано стали развивать значение относительное, передавая идею признака через отношение к живому существу.

Список литературы

- Балалыкина Э. А. К вопросу о грамматической лексикологии как самостоятельной лингвистической дисциплине // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 148, кн. 2. Гуманитарные науки 2006. С. 68–76.
- Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. № 5. 1953. С. 3–29.
- Ерофеева И. В. Притяжательные прилагательные с суффиксом *-j/-ъj-*, мотивированные личными нарицательными существительными, в летописном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 43–50.
- Кацнельсон С. Д. О грамматической семантике // Общее и типологическое языкознание. Л., 1986. С. 145–152.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учеб. для вузов РФ. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2013. 511 [1] с.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).
- Норман Б. Ю., Мухин М. Ю. Лексическая и грамматическая семантика: корпусное статистическое исследование лексико-семантических групп // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 178–191.
- Пельтина М. Н. Определения, выраженные прилагательными, в истории русского языка в сопоставлении с английским языком // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 3, 2010 С. 113–120.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р-Я / Отд. рус. яз. и словесности Император. АН. СПб.:

Изд. Отделения Русского языка и Словесности Имп. АН, 1912, 1684 с.

Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 1999. Т.1. 622 с.

References

Balalykina, E. A. (2006). *K voprosu o grammaticheskoi leksikologii kak samostoitel'noi lingvisticheskoi distsipline* [To the Question of Grammatical Lexicology as an Independent Linguistic Discipline]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Tom 148, kn. 2, pp. 68–76. (In Russian)

Chernykh, P. Ia. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. V 2-kh t. T. 1, 622 p. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Erofeeva, I. V. (2009). *Pritiazhatel'nye prilagatel'nye s suffiksom -j-/-j-, motivirovannye lichnymi naritsatel'nymi sushchestvitel'nymi, v letopisnom tekste* [Possessive Adjectives with -j-/-j- Suffixes Motivated by Personal Common Nouns in Chronicles]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Iazykoznanie*. No 2 (10), pp. 43–50. (In Russian)

Katsnel'son, S. D. (1986). *O grammaticheskoi semantike* [On Grammar Semantics]. *Obshchee i tipologicheskoe iazykoznanie*. Pp. 145–152. Leningrad. (In Russian)

Kniazev, Iu. P. (2007). *Grammaticheskaja semantika: Russkii iazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammar Semantics: The Russian Language in a Typological Perspective]. 704 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Kolesov, V. V. (2013). *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka: ucheb. dlia vuzov R F* [Historical

Grammar of the Russian Language: A Textbook for Russian Universities]. 511 [1] p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 20.04.2020). (In Russian)

Norman, B. Iu., Mukhin, M. Iu. (2018). *Leksicheskaja i grammaticheskaja semantika: korpusnoe statisticheskoe issledovanie leksiko-semanticheskikh grupp* [Lexical and Grammatical Semantics: A Corpus-based Statistical Study of Lexical Semantic Groups]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No 3, pp. 178–191. (In Russian)

Pel'tina, M. N. (2010). *Opredeleniia, vyrazhennye prilagatel'nymi, v istorii russkogo iazyka v sopostavlenii s angliiskim iazykom* [The Attribute, Expressed by the Adjective in the History of the Russian Language Compared with the English Language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seria: Lingvistika*. No 3, pp. 113–120. (In Russian)

Plungian, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy jazykov mira* [Introduction to Grammar Semantics: Grammar Meanings and Grammar Systems of World Languages]. 672 p. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. (In Russian)

Sreznevskii, I. I. (1912). *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam* [Materials for the Old Russian Dictionary Based on Written Monuments]. 1684 p. T. 3. P.-Я. St. Petersburg, Izdatel'stvo Otdeleniia Russkogo iazyka i Slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

Staroslavianskii slovar' (po rukopisiam X-XI vekov) (1999) [Old Slavic Dictionary (based on the manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. 842 p. Pod red. R. M. Tseitlin, R. Večerki, E. Blagovoi. 2-e izd., stereotip. Moscow, Russkii iazyk. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1953). *Osnovnye tipy leksicheskikh znachenii slova* [The Main Types of Lexical Word Meanings]. *Voprosy iazykoznanii*, No 5, pp. 3–29. (In Russian)

The article was submitted on 20.08.2020

Поступила в редакцию 20.08.2020

Килина Лилия Фаатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Удмуртский государственный университет,
426034, Россия, Ижевск,
Университетская, 1.
kilin_74@mail.ru

Колосова Елена Ивановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
hkolosova@yandex.ru

Kilina Liliia Faatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Udmurt State University,
1 Universitetskaya Str.,
Izhevsk, 426034, Russian Federation.
kilin_74@mail.ru

Kolosova Elena Ivanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
hkolosova@yandex.ru